

Александр Александрович Блок

Стихотворения 1910 года
(Полное собрание стихотворений)

Содержание

«С мирным счастьем покончены счеты...» .	0005
«Седые сумерки легли...»	0006
«Черный ворон в сумраке снежном...»	0007
ГОЛОСА СКРИПОК	0009
НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ	0010
«Дух пряный марта был в лунном круге...» .	0012
НА ПАСХЕ	0014
В РЕСТОРАНЕ	0015
ДЕМОН	0017
«Как тяжело ходить среди людей...»	0019
НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	0020
СОН	0023
«Когда-то гордый и надменный...»	0025
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться...»	0026
«Где отдается в длинных залах...»	0028
«Сегодня ты на тройке звонкой...»	0030
«Я коротаю жизнь мою...»	0032
«Там неба осветленный край...»	0033
ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ (При получении «Идиллий и элегий»)	0034
ПОСЕЩЕНИЕ	0036
КОМЕТА	0038
«Идут часы, и дни, и годы...»	0040
«Знаю я твое льстивое имя...»	0042

«В неуверенном, зыбком полете...» 0043

Александр Блок
СТИХОТВОРЕНИЯ 1910 ГОДА

«С мирным счастьем покончены счеты...»

*С мирным счастьем покончены
счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.*

*Жизнь пустынна, бездомна, без-
донна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюблен-
ной
Тот, сквозь ночь пролетевший,
мотор*

11 февраля 1910 (25 декабря 1914)

«Седые сумерки легли...»

*Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.*

*Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно.
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.*

11 февраля 1910 (4 марта 1914)

«Черный ворон в сумраке СНЕЖНОМ...»

*Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.*

*Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.*

*В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.*

*Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...*

*Страшный мир! Он для сердца тесен!
И нем — твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!*

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

*Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.*

*Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгли-
вый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?*

*Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.*

Февраль 1910

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

*Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый
край.*

*Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.*

*Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,*

*Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...*

*Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в хладном серебре.
Ушла. От всех великолений —
Вот только: крылья на заре.*

*Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,*

Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней
жизни,
Хоть погребальный факел — в
ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

«Дух пряный марта был в лунном круге...»

*Дух пряный марта был в лунном
круге*

*Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то
ног.*

*Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп ко-
ня —*

*Венгерский танец в небесной чер-
ни*

Звенит и плачет, дразня меня.

*А шалый ветер, носясь над да-
лью,—*

*Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...*

*И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь всту-
пая,*

Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910

Часовня на Крестовском острове

НА ПАСХЕ

*В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новою гармоникой
Стоит под крыльцом.*

*На крыльце вертялая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.*

*Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать.*

*Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!*

18 апреля 1910 (Май 1914)

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не
был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное
небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном
зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бока-
ле
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил сму-
щенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратись к кавалеру, намеренно
резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то гря-
нули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презре-
нием юным,

Чуть заметным дрожаньем ру-
ки...

Ты рванулась движеньем испуган-
ной птицы,
Ты прошла, словно сон мой лег-
ка...
И вздохнули духи, задремали рес-
ницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глубы зеркал ты мне взоры
бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка
плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

ДЕМОН

*Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...*

*О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!*

*В томленьи твоём исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.*

*На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.*

*И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...*

*И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...*

*Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доска-
чет!
Чеченская пуля верна.*

19 апреля 1910

«Как тяжело ходить среди людей...»

Там человек сгорел
Фет

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об изгре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.*

*И, вглядываясь в свой ночной кош-
мар,
Строй находить в нестройном
вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искус-
ства
Узнали жизни губительной пожар!*

10 мая 1910 (27 февраля 1914)

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

*Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы бро-
шенном,
Красивая и молодая.*

*Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним ле-
сом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.*

*Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжаю-
щих
Посмотрит пристальней из
окон...*

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.*

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёк-
лыми
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой неж-
ною
Скользнул — и поезд в даль умча-
ло

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

СОН

Моей матери

*Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху — всё громче, всё нелепей;
И день последний настает.*

*Чуть брезжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами — красные каменья
И мавзолей из чугуна.*

*И Он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами — с Ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.*

*Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...*

*И слышу, мать мне рядом шеп-
чет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,*

И камень будет отвален».—

*«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».*

20 июня 1910 (5 мая 1911)

«Когда-то гордый и надменный...»

*Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».*

*И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...*

*То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...*

*О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.*

11 июля 1910 (4 декабря 1913)

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться...»

*Русь моя, жизнь моя, вместе ль
нам маяться?*

*Царь, да Сибирь, да Ермак, да
тюрьма!*

*Эх, не пора ль разлучиться, расска-
яться.*

*Вольному сердцу на что твоя
тьма?*

*Знала ли что? Или в бога ты ве-
рила?*

*Что там услышишь из песен тво-
их?*

*Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов версто-
вых...*

*Лодки да грады по рекам рубила
ты,*

*Но до Царьградских святынъ не
дошла...*

*Соколов, лебедей в степь распу-
стила ты —*

Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем тво-
им...

Что же маячишь ты, сонное ма-
рево?

Вольным играешься духом моим?

19 июля 1910

«Где отдается в длинных залах...»

*Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лет,
Где вина теплятся в бокалах, —
Там возникает хоровод.*

*Шурша, звеня, вясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.*

*Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.*

*Не поднимай цветка: в нем сла-
дость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..*

*Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далека*

Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

«Сегодня ты на тройке звонкой...»

*Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...*

*Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...*

*Ямщик — будь он в поддевке тем-
ной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной,
—
Не упускай его из глаз...*

*Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,*

*И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека*

*В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...*

6 августа 1910

«Я коротаю жизнь мою...»

*Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.*

*Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..*

*Блеснет в глаза зеркальный свет
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращения нет...*

27 сентября 1910

«Там неба освещенный край...»

*Там неба освещенный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.*

*Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.*

*Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редает.*

Сентябрь 1910 (5 мая 1911)

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ (При получении «Идиллий и элегий»)

*Дождь мелкий, разговор неспеш-
ный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный*

Ведь так при встречах повелось?

*Но вот — какой-то светлый ге-
ний
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.*

*И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.*

*Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.*

Сентябрь 1910 (5 мая 1911)

ПОСЕЩЕНИЕ

Голос

*То не ели, не тонкие ели
На закате поднимают кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою,*
—

*Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе — возгласы моря,
На лице твоём — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.*

Второй голос

*Старый дом мой пронизан мете-
лью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой посте-*

лью
Наклонялся лишь пристальный
враг
И душа для видений ослепла,
Если вспомню, — лишь ветер нале-
тит,
Лишь рубин раскаленный из непла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было — далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце пол-
но.

Сентябрь 1910

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом
—
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла
крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят
отныне
Полет — стада стальных стре-

коз!

*Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!*

Сентябрь-октябрь 1910 (1917)

«Идут часы, и дни, и годы...»

*Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы
Рассеять сумерки времен...*

*Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).*

*Вот меч. Он — был. Но он — не ну-
жен.
Кто обессилил руку мне?—
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,*

*Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас
—
Старинный ужас (дай понять)...*

*Слова? — Их не было. — Что ж
было?
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали*

*Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...*

*И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)*

*И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: Ессе ното![1]
Меч выпал. Дрогнула рука...*

*И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных
жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.*

*Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: Нет, я не слуга.
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!*

4 октября 1910

«Знаю я твое льстивое имя...»

*Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.*

*И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.*

*И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотании твоих жемчуга.*

18 ноября 1910

«В неуверенном, зыбком полете...»

*В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых
вниз.*

*Как ты можешь летать и кру-
житься
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная пти-
ца,
Чем ты можешь прославить
творца?*

*В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гре-
мит
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.*

Ноябрь 1910

Примечания

Се человек! (лат.).

[^^^]